

ВЫПИСКИ

ИЗЪ ПИСЕМЪ

Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа

къ

ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I-МУ

о

ПУШКИНЪ.

ИЗДАНЫ

въ переводѣ граф. Ек. П. Шереметевой,

съ предисловіемъ и примѣчаніями

НИКОЛАЯ БАРСУКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1903

Печатано по распоряженію Совѣта Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.

Предсѣдатель Графъ С. Шереметевъ.

ВЫПИСКИ

ИЗЪ ПИСЕМЪ

ГРАФА АЛЕКСАНДРА ХРИСТОФОРОВИЧА БЕНКЕНДОРФА

къ

ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I-МУ

о

ПУШКИНЪ.

Въ пятой книгѣ *Старины и Новизны* текущаго 1902 года (стр. 16—17), было напечатано письмо Пушкина (отъ 1-го Сентября 1828 года) къ князю П. А. Вяземскому, въ которомъ Пушкинъ отрицаетъ приписываемое ему авторство *Гаврилады*. Слѣдственное дѣло подтвердило это.

Вмѣстѣ съ симъ, Пушкинъ, въ слѣдственной комиссіи, въ присутствіи Графа П. А. Толстого, написалъ, по поводу *Гаврилады*, къ самому Императору Николаю I письмо, которое слѣдственная комиссія, „не раскрывая“, представила Государю.

Государю Императору благоугодно было приказать Завѣдующему Собственною Его Величества Библиотекою, Рихарду Александровичу Гримму, произвести розыски означеннаго письма въ своей библиотекѣ. Къ сожалѣнію, письма этого не было найдено; но Р. А. Гриммъ сдѣлалъ изъ пересмотрѣнныхъ имъ бумагъ графа А. Х. Бенкендорфа *Выписки объ А. С. Пушкинѣ*, которыя, по Высочайшему повелѣнію, были препровождены Графу С. Д. Шереметеву.

Хотя въ доставленныхъ *Выпискахъ* не находится искомага письма Пушкина къ Императору Николаю I-му, тѣмъ не менѣе опѣ ярко рисуютъ отношенія Императора Николая I-го, въ лицѣ Пушкина, къ Русской Литературѣ и составляютъ умильную страницу въ біографіи сего Великаго Государя, который выступилъ во всей красотѣ своего благородства и величія въ смертный тяжкій часъ кончины Пушкина.

С. М. Лукьяновъ въ своей книжкѣ — *О послѣднихъ дняхъ жизни и о смерти А. С. Пушкина, съ медицинской точки зрѣнія* — пишетъ: „Мы должны засвидѣтельствовать, что Императоръ Николай Павловичъ оказался на высотѣ подлежащей ему задачи. Мы знаемъ, какое вѣское и задуманное слово сказалъ онъ своему поэту, — поэту всей Россіи и всего міра, и мы будемъ далеки отъ какого бы то ни было преувеличенія, если позволимъ себѣ утверждать, что наибольшую медицинскую помощь оказалъ на первыхъ же порахъ несчастному раненому не Арендтъ и не другой кто изъ врачей, а именно самъ Царь, слившій съ нимъ свою душу въ общемъ сознаніи братства передъ смертію и въ чувствѣ отвѣтственности передъ единымъ высшимъ нравственнымъ закономъ. Императоръ Николай Павловичъ, какъ бы ни относились историки къ общему направленію его внѣшней и внутренней политики, выступилъ передъ умирающимъ Пушкинымъ личностью въ высокой степени благородной и нравственно сильной. Онъ оцѣнилъ по достоинству все то высокое и чистое, что лежало въ основаніи поведенія Пушкина, и безъ малѣйшаго колебанія, по первому зову, предсталъ передъ нимъ съ тѣмъ нравственнымъ лѣкарствомъ, въ которомъ сраженный поэтъ такъ сильно нуждался“.

Весьма любопытны съ разсматриваемой точки зрѣнія слова Арендта: „Наша вся медицина ничего не сдѣлаетъ безъ Царя Небеснаго. Земной же Царь Русскій излилъ всю милость свою на страдальца и вниманіемъ своимъ помогаетъ Александру Сергѣевичу. Чего добраго, царскія слова совершаютъ чудо и возвратятъ Россіи Пушкина“.

Николай Барсуковъ.

15 Іюля 1902 года.
С.-Петербургъ.

I.

Изъ записки Императора Николая I-го 1826 или 27 г.? *).

„Je suis charmé du style de la lettre de Pouschkin, et fort curieux de lire son oeuvre; faites en faire l'extrait par quelqu'un de sûr pour que la chose ne s'ébruite pas“.

Я очарованъ письмомъ Пушкина¹⁾, и мнѣ очень любопытно прочесть его сочиненіе; велите сдѣлать выдержку кому-нибудь вѣрному, чтобы она не распространялась“.

II.

Изъ донесенія безъ даты (1826 или 1827 г.?) **):

„Ci-joint des remarques sur l'oeuvre de Pouschkin et l'extrait de cet oeuvre“.

Приписка Его Величества:

„Je garderai les notes“.

Продолженіе донесенія:

„Dans tous les cas cette pièce n'est pas à présenter sur le théâtre, mais avec quelque peu de modification elle peut être imprimée: si Votre Majesté l'ordonne je la lui renverrai en lui faisant part des observations signalées dans *l'extrait*, et en le prévenant que copie

„При семъ прилагаются замѣтки на сочиненія Пушкина и выписки изъ этого сочиненія“.

Приписка Его Величества:

„Замѣтки оставлю у себя“.

Продолженіе донесенія:

„Во всякомъ случаѣ это сочиненіе не годится для представленія на сценѣ, но съ немногими измѣненіями можно напечатать; если Ваше Величество прикажете, я его ему верну и сообщу замѣчанія, помѣченныя въ выпискѣ, и предупреду его, чтобы сохранилъ у

*) 1826 года. Н. Б.

**) 1826 года. Н. Б.

est gardée, pour qu'il sache qu'il doit être sur ses gardes.

D'après la conversation que j'ai eue avec Pouschkin, par ordre de Votre Majesté, il vient de m'envoyer ses remarques sur l'éducation publique, que je joins ici. C'est déjà d'un homme qui revient à la raison“.

Приписка Его Величества:
„Je verrai ce que c'est“.

себя копию, и чтобы онъ зналъ, что онъ долженъ быть насторожѣ²⁾).

Вслѣдствіе разговора, который у меня былъ, по приказанію Вашего Величества, съ Пушкинымъ, онъ мнѣ только что прислалъ свои замѣтки на общественное воспитаніе, которыя при семъ прилагаю. Замѣтки человѣка возвращающагося къ здоровому смыслу“³⁾).

Приписка Его Величества:
„Посмотрю, что это такое“.

III.

Изъ донесенія безъ даты (1827 или 1826 г.) *):

„Pouschkin l'auteur est à Moscou; il parle dans toutes les sociétés avec reconnaissance et le plus grand dévouement de Votre Majesté Impériale; cependant on le surveille avec attention“.

Приписка Николая Павловича карандашомъ:

„Vous a-t-il répondu au sujet des remarques sur sa tragédie?“

„Пушкинъ авторъ въ Москвѣ и всюду говоритъ о Вашемъ Императорскомъ Велиествѣ съ благодарностью и глубочайшей преданностью; за нимъ все таки слѣдятъ внимательно“.

Приписка Николая Павловича карандашомъ:

„Отвѣтилъ ли онъ вамъ по поводу замѣтокъ на его трагедію?“⁴⁾).

IV.

Изъ донесенія, писаннаго въ Эстляндіи: „Fall **), ce 12 juillet 1827“:

*) 1826 года. Н. Б.

**) Фалль—близъ Ревеля. Н. Б.

„Le père du poète Pouschkin est ici; son fils va y arriver ces jours ci. Le jour de mon départ de Pétersbourg, celui-ci, après l'entrevue que j'ai eue avec lui, a parlé au cloub anglois avec enthousiasme de Votre Majesté Impériale, et a fait boire sa santé aux personnes qui dinoient avec lui. Il n'en est pas moins un bien mauvais garnement, mais si on peut diriger sa plume et ses propos, ce sera un avantage“.

„Отецъ поэта Пушкина здѣсь; его сынъ пріѣдетъ сюда на дняхъ. Въ день моего отъѣзда изъ Петербурга, этотъ послѣдній, послѣ свиданья со мной, говорилъ въ англійскомъ клубѣ съ восторгомъ о Вашемъ Величествѣ и заставилъ лицъ, обѣдавшихъ съ нимъ, пить здоровье Вашего Величества. Онъ все таки порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его рѣчи, то это будетъ выгодно“⁵⁾.

V.

Изъ докладной записки Императору Николаю Павловичу, безъ даты (1828—30 года?) *):

„Pouschkin demande la permission de réimprimer le Кавказскій плѣнникъ et Русланъ и Людмила, en y annexant les pièces ci-jointes“.

Приписка Императора карандашомъ:

„Je l'ai gardé“.

„Пушкинъ проситъ разрѣшенія перепечатать Кавказскій плѣнникъ и Руслана и Людмилу съ прибавленіемъ приложенныхъ при семь статей“.

Приписка Императора карандашомъ.

„Оставилъ у себя“⁶⁾.

VI.

Изъ записки безъ даты (1830 года?) **):

„Votre Majesté Impériale ayant eu la bonté de me de-

„Такъ какъ вашему Величеству благоугодно было узнать,

*) 1828 года. *Н. Б.*

**) 1830 года. *Н. Б.*

mander ce qui me retenoit à la maison, je Lui dirai, que c'est la vilaine maladie de la Néva, qui m'a surpris violemment *au bal de l'Ambassadeur de France*, et continue encore me tourmenter; j'espère cependant pouvoir sortir demain“.

Слова: „au bal de l'Ambassadeur de France“ подчеркнуты Николаемъ Павловичемъ и къ нимъ относится слѣдующая собственноручная его приписка:

„A propos de ce bal. Vous pourriez dire à Pouschkin, qu'il n'était pas convenable à lui d'être *seul* en frac, où nous nous trouvions tous en gala; et qu'il eut pour le moins se donner un uniforme de gouvernement, et qu'il le fasse dorénavant en cas pareil“.

почему я не могу выйти изъ дому, я скажу, что причиной тому несносная Невская болѣзнь, которая вдругъ сильно схватила меня *на балу у французскаго посланника* и продолжаетъ меня беспокоить; надѣюсь однако выйти завтра“.

Слова: „на балу у французскаго посланника“ подчеркнуты Государемъ и къ нимъ относится слѣдующая собственноручная его приписка:

„Кстати объ этомъ балѣ. Вы могли бы сказать Пушкину, что неприлично ему *одному* быть во фракѣ, когда мы всѣ были въ мундирахъ, и что онъ могъ бы завести себѣ по крайней мѣрѣ дворянскій мундиръ; впоследствии, въ подобномъ случаѣ пусть такъ и сдѣлаетъ“⁷⁾.

VII.

Собственноручная записка Императора Николая, безъ даты, карандашомъ (1830 года?) *):

„J'oubliais de vous dire, mon cher ami, que dans le N^o d'aujourd'hui de la Пчела il y a de nouveau un article de plus plat et de plus injuste, dirigé contre Пушкинъ; cet article

„Я забылъ вамъ сказать, любезный другъ, что въ сегодняшнемъ номерѣ Пчелы находится опять несправедливѣйшая и пошлѣйшая статья, направленная противъ Пушкина; къ этой

*) 1830 года. Н. В.

doit avoir une suite: je vous engage donc de faire venir Булгаринъ et de lui défendre dorénavant d'à la insérer telle critique que cela soit d'ouvrages littéraires; et s'il possible de défendre son journal“.

статьѣ навѣрное будетъ продолженіе: по этому предлагаю вамъ призвать Булгарина и запретить ему отнынѣ печатать какія бы то ни было критики на литературныя произведенія; и если возможно, запретите его журналъ“.

VIII.

Изъ донесенія безъ даты, вѣроятно 1830 г. *):

„Les ordres de Votre Majesté Impériale sont exécutés; Boulgarin ne continuera pas sa critique sur Onégin.

Je l'ai lue, Sire, et je dois avouer, que je n'y ai trouvé rien de personnel contre Pouschkin; ces deux auteurs sont d'ailleurs depuis une couple d'années assez bien ensembles. La plume de Boulgarin toujours fidèle à l'autorité déplore que le voyage au delà des monts Caucases, et les grands évènements qui ont immortalisé ces dernières années, n'aient pas donné un plus bel essor au génie de Pouschkin. Onégin est cruellement critiqué d'ailleurs par les journalistes de Moscou.

Je joins ici un article contre Димитрій Самозванецъ, pour

„Приказанія Вашего Величества исполнены: Булгаринъ не будетъ продолжать свою критику на Онѣгина.

Я прочелъ ее, Государь, и долженъ сознаться, что ничего личнаго противъ Пушкина не нашель; эти два автора, кромѣ того, вотъ уже года два въ довольно хорошихъ отношеніяхъ между собой. Перо Булгарина, всегда преданное власти, сокрушается надъ тѣмъ, что путешествіе за Кавказскими горами и великія событія, обезсмертившія послѣдніе года, не придали лучшаго полета генію Пушкина. Кромѣ того, Московскіе журналисты ожесточенно критикуютъ Онѣгина ⁸⁾.

Прилагаю при семъ статью противъ Дмитрія Самозванца,

*) 1830 года. Н. Б.

que Votre Majesté voye, comme on attaque Boulgarin. Si Votre Majesté a lu cet ouvrage, Elle y aura trouvé des choses très intéressantes, très monarchiques surtout, et le triomphe de la légitimité. Je désirerois que les auteurs qui attaquent cet ouvrage, écrivent dans le même esprit. Car c'est les écrits, qui sont la conscience des auteurs“.

Приписка Николая Павловича:

„Vous ne me dites rien sur vous même, mon cher ami, comment vous portez-vous?

J'ai lu avec attention la critique contre le *Самозванецъ*, et je dois vous avouer, que n'ayant encore pu lire que deux volumes et ayant seulement d'aujourd'hui commencé le troisième, j'ai fait *pour moi même* ou *en moi même* juste les mêmes réflexions. L'histoire, telle qu'elle, est plus qu'assez odieuse, pour ne pas la forcer de choses fabuleuses, atroces et inutiles pour l'intérêt de l'évènement principal. Aussi la critique sous ce rapport me paraît-elle juste. — Dans celle au contraire contre *Онегинъ*, il n'y a que du fait et fort peu de raison, quoique

чтобы Ваше Величество видѣли, какъ нападаютъ на Булгарина. Если бы Ваше Величество прочли это сочиненіе, то Вы нашли бы въ немъ много очень интереснаго и въ особенности монархическаго, а также побѣду легитимизма. Я бы желалъ, чтобы авторы, нападающіе на это сочиненіе, писали въ томъ же духѣ, такъ какъ сочиненія — это совесть писателей“.

Приписка Государа:

„Вы мнѣ ничего не говорите о себѣ, любезный другъ, какъ ваше здоровье?

Я внимательно прочелъ критику на Самозванца и долженъ вамъ сознаться, что такъ какъ я не могъ пока прочесть болѣе двухъ томовъ и только сегодня началъ третій, то *про себя* или *въ себя* размышлялъ точно также. Исторія эта, сама по себѣ, болѣе чѣмъ достаточно омерзительна, чтобы не украшать ее легендами отвратительными и ненужными для интереса главнаго событія. А по тому, съ этой стороны критика, мнѣ кажется, справедлива⁹⁾.

Напротивъ того, въ критикѣ на Онѣгина только факты и очень мало смысла; хотя я со-

je ne défends nullement l'auteur qui eut bien mieux fait de ne pas s'adonner uniquement à ce genre fort amusant, mais bien moins noble, que celui de son *Полтава*. Au reste, si ce genre de critique dure, pour réciprocité je le défendrais partout“.

всѣмъ не извиняю автора, который сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы не предавался исключительно этому весьма забавному роду литературы, но гораздо менѣе благородному, нежели его *Полтава*. Впрочемъ, если критика эта будетъ продолжаться, то я, ради взаимности, буду запрещать ее вездѣ“.

IX.

Изъ докладной записки подъ № 3, безъ даты, вѣроятно 1834 года:

„Lettre de Pouschkin à moi, et une de lui à M-r Joukofsky. Puisqu'il avoue avoir fait tout simplement une bêtise, et qu'il aime mieux paraître inconséquent qu'ingrat (comme je n'ai pas encore notifié son congé du service, ni au prince Wolhonsky, ni au comte Nesselrode), je suppose que Votre Majesté daignera avoir la bonté de regarder sa première lettre, comme non avenue. Nous avons l'échelle de l'homme, et il vaut mieux qu'il soit au service que livré à soi même“.

Резолюція Его Величества:

„Je lui pardonne, mais vous

„Письмо Пушкина ко мнѣ и другое отъ него же къ Жуковскому. Такъ какъ онъ сознается въ томъ, что просто сдѣлалъ глупость, и предпочитаетъ казаться лучше непослѣдовательнымъ, нежели неблагодарнымъ (такъ какъ я еще не сообщалъ о его отставкѣ ни князю Волконскому, ни Графу Нессельроде), то я предполагаю, что Вашему Величеству благоугодно будетъ смотрѣть на его первое письмо, какъ будто его вовсе не было. Передъ нами мѣрило чловѣка; лучше чтобы онъ былъ на службѣ, нежели предоставленъ самому себѣ“.

Резолюція Его Величества:

„Я ему прощаю, но позво-

le ferez venir pour lui expliquer une fois de plus toute la déraison de sa conduite et par où tout cela peut finir; et que ce qui pourrait être pardonnable pour un fou de 20 ans, cela ne peut l'être pour un homme de 35, mari et père de famille“.

вите его, чтобы еще разъ объяснить ему всю бессмысленность его поведенія и чѣмъ все это можетъ кончиться; то, что можетъ быть простительно двадцатилѣтнему безумцу, не можетъ примѣняться къ человѣку тридцати пяти лѣтъ, мужу и отцу семейства ¹⁰⁾“.

X.

Записка Императора Николая Павловича 1837 г.:

„Pouschkin est mort; j'ai ordonné à Joukofsky de mettre son cachet sur le cabinet, et je vous invite à envoyer Doubelt chez Joukofsky, pour qu'il mette le cachet de la gendarmerie, pour plus de sécurité.

Après huit jours, ce seront ceux deux qui leveront les cachets, et Joukofsky fera le triage des papiers“.

„Пушкинъ умеръ; я приказалъ Жуковскому приложить свою печать къ его кабинету и предлагаю вамъ послать Дубельта къ Жуковскому, чтобы онъ приложилъ жандармскую печать для большей сохранности.

По истеченіи восьми дней эти два лица снимутъ печати и Жуковскій разберетъ бумаги“.

XI.

Докладная записка 1837 г.:

„Alexandre Stroganow sort de chez moi; son père me l'avait envoyé pour demander à Votre Majesté Impériale la permission que Danzas accompagne le corps

Александръ Строгановъ только что былъ у меня; его отецъ прислалъ его ко мнѣ, чтобы испросить разрѣшеніе Вашего Императорскаго Величества Дан-

de Pouschkin au gouvernement de Pskow où il doit être enterré.

Je crois que c'est difficile puisqu'il est déjà livré à la justice; mais peut être serait ce bien, de charger de cette commission un des amis du défunt.

De mon côté j'ai déjà fait choix depuis hier d'un officier de gend'armes, qui en facilitant le voyage aurait l'oeil sur tout ce, qui se passera dans la route.

A. Benckendorff“.

Приписка Его Величества:

„J'ai déjà fait beaucoup en permettant qu'il reste en liberté jusqu'à l'enterrement; mais je ne puis faire plus sans être en contradiction avec moi même. Pourquoi Tourguénef, qui bat le pavé, ne l'accompagne-t-il pas?“

засу сопровождать тѣло Пушкина въ Псковскую губернію, гдѣ его хоронятъ.

Я думаю, что это трудно сдѣлать, такъ какъ онъ уже преданъ суду; но можетъ быть было бы хорошо возложить эту обязанность на одного изъ друзей покойнаго. Съ своей стороны, я уже избралъ вчера одного жандармскаго офицера, который, облегчая путешествіе, будетъ слѣдить за всѣмъ, что будетъ происходить во время пути.

A. Бенкендорфъ.

Приписка Его Величества:

„Я уже сдѣлалъ очень много, разрѣшивъ ему (Данзасу) свободу до похоронъ; я не могу сдѣлать больше, не входя въ противорѣчіе съ самимъ собою ¹¹⁾. Почему Тургеневъ, который обиваетъ пороги, не сопровождать его ¹²⁾?“

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Пушкинъ написалъ Государю слѣдующее письмо: „Всемилютейшій Государь. Въ 1824 году, имѣвъ несчастіе заслужить гнѣвъ покойнаго Императора легкомысленнымъ сужденіемъ касательно аѳеизма, изложеннаго въ одномъ письмѣ, я былъ выключенъ изъ службы и сосланъ въ деревню, гдѣ и нахожусь подъ надзоромъ губернскаго начальства.

Нынѣ съ надеждой на великодушіе Вашего Императорскаго Величества, съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить моими мнѣніями общепринятому порядку (въ чемъ я готовъ обязаться подпиской и честнымъ словомъ), рѣшился я прибѣгнуть къ Вашему Императорскому Величеству со всеподданнѣйшею моею просьбою.

Здоровье мое, разстроенное въ первой молодости, и родъ аневризма давно уже требуетъ постояннаго лѣченія, въ чемъ и представляю свидѣтельство медиковъ, осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить позволенія ѣхать для сего въ Москву, или въ Петербургъ, или въ чужіе края“.

10-го іюня 1826 года. Пушкинъ писалъ Князю П. А. Вяземскому: „Я уже писалъ Царю, тотчасъ по окончаніи слѣдствія, заключая прошеніе точно твоими словами. Жду отвѣта, но плохо надѣюсь. Бунтъ и революція мнѣ никогда не нравились, это правда; но я былъ въ связи почти со всѣми и въ перепискѣ со многими изъ заговорщиковъ. Всѣ возмутительныя рукописи ходили подъ моимъ именемъ, какъ всѣ похабныя ходятъ подъ именемъ Баркова“.

„Сердце не на мѣстѣ, писалъ Пушкинъ, 20 іюля 1826, къ барону Дельвигу,—но крѣпко надѣюсь на милость царскую“. (*Сочиненія А. С. Пушкина*. Спб. 1887, VП, 177—178, 183).

2) Здѣсь рѣчь идетъ о трагедіи Пушкина *Борисъ Годуновъ*, которая была написана Пушкинымъ въ Михайловскомъ. Въ сентябрѣ 1825 года,

онъ писалъ Князю Вяземскому: „Трагедія моя кончена. Я перечелъ ее вслухъ одинъ, и билъ въ ладоши, и кричалъ: ай-да Пушкичъ, ай-да!... Жуковскій говоритъ, что Царь меня проститъ за трагедію. Наврядъ, мой милый, хоть она и въ хорошемъ духѣ писана, да никакъ не могъ упрятать всѣхъ моихъ ушей подъ колпакъ юродиваго: торчатъ“. (Сочиненія А. С. Пушкина. III, 79). 3 января 1827 года, Пушкинъ писалъ графу Бенкендорфу: „Съ чувствомъ глубочайшей благодарности получилъ я письмо вашего превосходительства, увѣдомляющее меня о всемило-стивѣйшемъ отзывѣ Его Величества касательно моей драматической поэмы. Согласенъ, что она болѣе сбивается на историческій романъ, нежели на трагедію, какъ Государь Императоръ изволилъ замѣтить. Жалѣю, что я не въ силахъ уже передѣлать мною однажды написанное“. (*Русская Старина* 1899. Май, стр. 248—249).

3) Въ 1826 году, послѣ коронаціи, Императоръ Николай I вызвалъ Пушкина въ Москву изъ его Михайловскаго заточенія. Тотчасъ по прибытіи въ Москву, Пушкинъ имѣлъ счастье быть представленъ Государю.

Государь бесѣдовалъ съ Пушкинымъ о возмущеніи 14 декабря, о намѣреніяхъ своихъ дать прочное основаніе и направленіе воспитанію юношества (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Сиб. 1889. II, 41). Л. Н. Майковъ въ своей статьѣ—*Пушкинъ въ изображеніи барона М. А. Корфа* приводитъ слѣдующее мѣсто изъ записокъ Корфа: „Въ апрѣлѣ 1848 года я имѣлъ разъ счастье обѣдать у Государя. За столомъ рѣчь зашла о Лицеѣ и оттуда—о Пушкинѣ“.

„Я впервые увидѣлъ Пушкина“, рассказывалъ намъ Государь,— „послѣ коронаціи, въ Москвѣ, когда его привезли ко мнѣ изъ его заточенія, совсѣмъ больнаго и въ ранахъ... Что вы бы сдѣлали, еслибъ 14 декабря были въ Петербургѣ?—спросилъ я его между прочимъ.— Былъ бы въ рядахъ мятежниковъ, отвѣчалъ онъ не запинаясь. Когда потомъ я спрашивалъ его: перемѣнился ли его образъ мыслей, и даетъ ли онъ мнѣ слово думать и дѣйствовать впредь иначе, если я пущу его на волю, онъ очень долго колебался и только послѣ длиннаго молчанія протянулъ мнѣ руку, съ обѣщаніемъ сдѣлаться инымъ“ (*Русск. Старина* 1899. Августъ, стр. 310).

Бесѣда съ Императоромъ вдохновила Пушкина, и онъ написалъ:

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни и проч.

Но эти стансы вызвали рѣзкія замѣчанія друзей Пушкина, и онъ отвѣчалъ имъ, своимъ *Друзьямъ*:

Нѣтъ я не льстець, когда Царю
Хвалу свободную слагаю...

Его я просто полюбилъ...

— Не жестокъ въ немъ духъ державный.
Тому, кого караетъ явно,
Онъ втайнѣ милости творить.

Текла въ изгнаньѣ жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подалъ—и съ вами снова я!

Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,
И я ль, въ сердечномъ умиленьѣ,
Ему хвалы не воспую?

Я льстець? Нѣтъ, братья, льстець лукавъ:
Онъ горе на Царя накличетъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничить.

...Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстець
Одни приближены къ престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчить, потупя очи долу.

И Пушкинъ до конца своей жизни любилъ Императора Николая I. 22 апрѣля 1834 года, онъ писалъ къ своей женѣ: „Къ наследнику (Александрѣ Николаевичу) являться съ поздравленіями и привѣтствіями не буду; царствіе его впереди, и мнѣ, вѣроятно, его не видать. Видѣлъ я трехъ царей: Первый (Павелъ I) велѣлъ снять съ меня картузь и пожурилъ за меня мою няньку; второй (Александръ I) меня не жаловалъ; третій (Николай I), хоть и упекъ меня въ камеръ-пажи подъ старость лѣтъ, но промѣнять его на четвертаго не желаю: отъ добра добра не ищутъ“. (*Сочиненія А. С. Пушкина*. Спб. 1887. VII, 343).

30 сентября 1826 года, изъ Москвы графъ Бенкендорфъ писалъ Пушкину: „Государь Императоръ не только не запрещаетъ приѣзда вамъ въ столицу, но представляетъ совершенно на вашу волю, съ тѣмъ только, чтобы предварительно испрашивали разрѣшенія черезъ письмо... ..Его Величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметами и о воспитаніи юношества... Предметъ сей долженъ представлять вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣд-

ствія ложной системы воспитанія“ (*ibid.* май, стр. 247). Записка Пушкина о народномъ воспитаніи написана имъ въ Михайловскомъ 15 ноября того же 1826 года и напечатана П. И. Бартеневымъ въ *Девятнадцатомъ Вѣкѣ* (М. 1872. II, 209—218).

4) Пушкинъ прожилъ въ Москвѣ съ 8 сентября до конца октября 1826 года. См. *Примѣчаніе* 2-е.

5) Пользуясь дозволеніемъ жить въ столицахъ, Пушкинъ въ іюль 1827 года изъ Михайловскаго пріѣхалъ въ Петербургъ. Но поѣздка Пушкина въ Ревель, кажется, не состоялась. Въ своемъ посланіи, 14 іюля сего 1827 года къ Языкову, въ Дерптъ, онъ писалъ:

Къ тебѣ собирался я давно
Въ нѣмецкій градъ, тобой воспѣтый,
Съ тобой попить, какъ пьютъ поэты,
Тобой воспѣтое вино.
Ужъ зазывалъ меня съ собою
Тобой воспѣтый Киселевъ,
И я съ веселою душою
Оставить былъ совсѣмъ готовъ
Неволю Невскихъ береговъ...

Въ это время Пушкинъ вступилъ въ непріятное столкновение съ однимъ изъ чиновниковъ Бенкендорфа, Статскимъ Совѣтникомъ Ольдекопомъ, и по этому поводу, 20 іюля того же 1827 года, писалъ Бенкендорфу: „Въ 1824 году, г. Статскій Совѣтникъ Ольдекопъ, безъ моего согласія и вѣдома, перепечаталъ стихотвореніе мое *Кавказскій Пльнникъ*... Вслѣдствіе сего, родитель мой, Статскій Совѣтникъ Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, обратился съ просьбою къ начальству, но не получилъ никакого удовлетворенія, а отвѣтствовали ему, что Ольдекопъ перепечаталъ *Кавказскаго Пльнника* для справокъ оригинала съ нѣмецкимъ переводомъ; что къ тому же не существуетъ въ Россіи закона противу перепечатыванія книгъ, и что имѣеть онъ. Статскій Совѣтникъ Пушкинъ, преслѣдовать Ольдекопа томко развѣ, яко мошенника; на что не смѣлъ я согласиться, изъ уваженія къ его званію и опасаясь заплатить за безчестіе“. (*Сочиненія А. С. Пушкина*. Спб. 1887, VII, 194).

6) Предисловіе ко второму изданію *Руслана и Людмилы* и *Кавказскаго Пльнника* подписано Пушкинымъ въ 1828 году.

7) 28 января 1830 года графъ Бенкендорфъ писалъ Пушкину: „Государь Императоръ замѣтитъ изволилъ, что вы находились на балѣ у французскаго посла во фракѣ, между тѣмъ, какъ всѣ прочіе, приглашенные въ сіе общество, были въ мундирахъ. Какъ всему дворянскому сословію присвоенъ мундиръ тѣхъ губерній, въ коихъ они имѣють помѣстья, или откуда родомъ, то Его Величество полагать изволитъ при-

личнѣ Русскому дворянству являться въ семь нарядѣ въ подобныя собранія“. (*Русск. Старина* 1899. Май, стр. 251).

8) Въ 1830 году Пушкинъ издалъ отдѣльною книжкою VII-ю главу *Евгенія Оньгина*. Кипящій жаждою мести, Булгаринъ воспользовался этимъ случаемъ и напечаталъ въ *Сѣверной Пчелѣ* разборъ этого произведенія. Вотъ что мы читаемъ въ этомъ разборѣ: „Въ *Московскомъ Телеграфѣ* сказано: „нынѣ требуютъ отъ писателей не одной подписи знаменитаго имени, но достоинства внутренняго и изящества внѣшняго“. Справедливо!... Холодный пріемъ, оказанный публикою поэмѣ *Полтава*, о которой такъ остроумно сказано было Надеждинымъ въ *Вѣстникѣ Европы*, служитъ явнымъ доказательствомъ, что очарованіе имени исчезло и въ самомъ дѣлѣ, можно ли требовать вниманіе публики къ такимъ произведеніямъ, какова, на примѣръ, глава VII-я *Евгенія Оньгина*. Ни одной мысли въ этой водянистой VII-й главѣ, ни одного чувствованія, ни одной картины, достойной воззрѣнія. Совершенное паденіе, chute complète! И такъ, надежды наши исчезли! Мы думали, что авторъ *Руслана и Людмилы* устремился на Кавказъ, чтобы напитаться высокими чувствами поэзіи, обогатиться новыми впечатлѣніями и въ сладкихъ пѣсняхъ передать потомству великіе подвиги Русскихъ современныхъ героевъ. Мы думали, что великія событія на Востокѣ, удивившія міръ и стяжавшія Россіи уваженіе всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, возбуждаютъ геній нашихъ поэтовъ — и мы ошиблись! Лиры знаменитыя остались безмолвными, и въ пустынь нашей поэзіи появился опять *Оньгинъ*, блѣдный, слабый.. сердцу больно, когда взглянешь на эту безцвѣтную картину! Все содержаніе этой VII-й главы въ томъ, что Таню везутъ въ Москву изъ деревни.. Всѣ описанія такъ ничтожны, что намъ вѣрить не хочется, чтобъ можно было печатать такія мелочи! Разумѣется, авторъ часто говоритъ о себѣ, о своей скукѣ, томленьѣ, о своей мертвой душѣ. Великій Байронъ ужъ такъ утомилъ насъ всѣми этими выходками, что мы сами чувствуемъ невольное томленіе, слыша безпрестанное повтореніе одного и того же“.

Союзниками Булгарина въ Москвѣ явились профессоръ Надеждинъ и журналистъ Полевой. Когда нѣкій Тлѣнскій принесъ отзывъ Булгарина профессору эстетики Надеждину, то сей послѣдній замѣтилъ: „Я зналъ давно, что этому когда-нибудь, а надо будетъ случиться! Раненько, правда, немножко: ну—да нынѣ вѣкъ такой! Шагаемъ исполнински“... Къ этому замѣчанію профессоръ прибавилъ: „Талантъ—особенно не закупоренный печатью истиннаго образованія — скоро очень выдыхается“... Профессоръ эстетики глумится даже и надъ этими чудными стихами, находящимися въ той же VII-й главѣ *Оньгина*:

Или не радуясь возврату
Погибшихъ осенью листовъ,
Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ?
Или съ природой оживленной
Сближаемъ думою смущенной
Мы увяданье нашихъ лѣтъ,
Которымъ возрожденья нѣтъ?

„Нѣтъ“!—воскликаетъ профессоръ, — „воля ваша, а Пушкинъ—не мастеръ мыслить!“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1890. III, 23—24).

9) *Дмитрій Самозванецъ* Булгарина и VII-я глава *Евгенія Онегина* Пушкина вышли въ свѣтъ одновременно. Очевидно графъ Бенкендорфъ представилъ Государю рецензію на *Дмитрія Самозванца*, написанную барономъ Дельвигомъ и напечатанную въ *Литературной Газетѣ* 1830 года. Въ этой рецензіи баронъ Дельвигъ, между прочимъ, замѣтилъ: „Намъ пріятно видѣть въ г. Булгаринѣ поляка, ставящаго выше всего свою націю; но чувство патріотизма заразительно, и мы бы еще съ большимъ удовольствіемъ прочли повѣсть о тѣхъ временахъ, сочиненную писателемъ Русскимъ“ (№ 14, стр. 112—113).

10) Дѣйствительно, въ 1834 году у Пушкина явилась мысль кореннымъ образомъ измѣнить свой образъ жизни, совершенно не соответствующій состоянію его финансовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ вполне сознавалъ, что „зависимость и разстройство въ хозяйствѣ ужасны въ семействѣ, и никакіе успѣхи тщеславія не могутъ вознаградить спокойствія и довольства“.

Желая приготовить къ мысли объ отставкѣ свою жену, Пушкинъ писалъ ей, отсутствующей изъ Петербурга:

15 мая 1834 года: „Дай Богъ тебя мнѣ увидѣть здоровою, дѣтей цѣлыхъ и живыхъ! да плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить бариномъ! Непріятна зависимость; особенно, когда лѣтъ двадцать человекъ былъ независимъ“.

29 мая: „Съ твоего позволенія, надобно будетъ, кажется, выдти мнѣ въ отставку и со вздохомъ сложить камеръ-юнкерскій мундиръ, который такъ пріятно льстилъ моему честолюбію, и въ которомъ, къ сожалѣнію, не успѣлъ я пощеголять“...

8 июня: ...„Я недолженъ былъ вступать въ службу... Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня, какъ на холопа, съ которымъ можно имъ поступать, какъ угодно.“

Опала легче презрѣнія“.

11 іюня: „Боже мой!“, восклицаетъ Пушкинъ, „кабы Заводы были мои, такъ меня бы въ Петербургъ не заманили и Московскимъ калачемъ. Жиль бы себѣ бариномъ. Но вы, бабы, не понимаете счастья независимости, и готовы закабалить себя навѣки, чтобы только сказали про васъ: „Hier madame une telle était décidément la plus belle et la mieux mise du bal. ... Ухъ, кабы мнѣ удрать на чистый воздухъ!“

Конецъ іюня: „Я крѣпко думаю объ отставкѣ...“

2 іюля: „Пожалуйста, не требуй отъ меня нѣжныхъ, любовныхъ писемъ. Мысль, что мои распечатываются и прочитываются въ полиціи, и такъ далѣе—охлаждаетъ меня, и я поневолѣ сухъ и скученъ. Погоди, въ отставку выду, тогда переписка нужна не будетъ“. (*Сочиненія А. С. Пушкина*. Спб. 1887. VII, 349—350, 356—357, 359).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, еще въ іюнѣ того же 1834 года, Пушкинъ писалъ графу Бенкендорфу, что онъ „по обстоятельствамъ, для него интереснымъ, имѣетъ надобность отправиться въ Москву и долженъ оставить службу“; но просилъ дозволить ему продолжать посѣщеніе архивовъ. На это ему отвѣтили, что „Его Величество не желаетъ никого удерживать противъ воли; но что на посѣщеніе государственныхъ архивовъ Его Величество не изъявилъ соизволенія, такъ какъ право это можетъ принадлежать только людямъ, пользующимся особенною довѣренностію начальства“. (*Русская Старина* 1874. X, 712).

Тогда Пушкинъ, 4 іюля 1834 года, написалъ графу Бенкендорфу слѣдующее:

...„Крайне огорченъ я, что необдуманное прошеніе мое, вынужденное отъ меня непріятными обстоятельствами и досадными мелочными хлопотами, могло показаться безумною неблагодарностію и сопротивленіемъ волѣ того, кто донинѣ былъ болѣе моимъ благодѣтелемъ, нежели государемъ. Буду ждать рѣшенія участи моей, но во всякомъ случаѣ ничто не измѣнитъ чувства глубокой преданности моей къ царю и сыновней благодарности за прежнія его милости“. Въ тотъ же день Пушкинъ писалъ Жуковскому: „Получилъ официальное извѣщеніе о томъ, что отставку я получу, но что входъ въ архивы мнѣ будетъ запрещенъ. Это огорчило меня во всѣхъ отношеніяхъ. Подалъ отставку я въ минуту хандры и досады на всѣхъ и на все. Домашнія обстоятельства мои затруднительны; положеніе мое не весело; перемѣна жизни почти необходима. Изъяснить это все графу Бенкендорфу мнѣ не достало духа... Писать письмо прямо Государю, ей Богу, не смѣю, особенно теперь. Оправданія мои будутъ похожи на просьбы, а онъ ужъ и такъ много сдѣлалъ для меня“.

Въ другомъ письмѣ своемъ къ Жуковскому (6 іюля) Пушкинъ писалъ: „Я, право, самъ не понимаю, что со мною дѣлается. Идти въ отставку, когда того требуютъ обстоятельства, будущая судьба всего

моего семейства, собственное мое спокойствіе—какое тутъ преступленіе? Какая неблагодарность? Но Государь можетъ видѣть въ этомъ что-то похожее на то, чего понять все-таки не могу. Въ такомъ случаѣ, я не подаю въ отставку и прошу оставить меня въ службѣ.. Въ глубинѣ сердца своего я чувствую себя правымъ предъ Государемъ. Гнѣвъ его меня огорчаетъ... Что мнѣ дѣлать? Просить прощенія? Да въ чемъ? Къ Бенкендорфу я явлюсь и объясню ему, что у меня на сердцѣ“...

Наконецъ 13 іюля Пушкинъ писалъ своей женѣ: ...„На дняхъ хандра меня взяла, подалъ я въ отставку, но получилъ отъ Жуковскаго такой нагоняй, а отъ Бенкендорфа такой сухой абшидъ, что я вструхнулъ, и Христомъ и Богомъ прошу, чтобы мнѣ отставку не давали. А ты ѣ рада.. Хорошо, коли проживу я лѣтъ еще двадцать пять; а коли свернусь прежде десяти, такъ не знаю, что ты будешь дѣлать, и что скажутъ Машка, а въ особенности Сашка. Утѣшенія мало имъ будетъ въ томъ, что ихъ напеньку схоронили, какъ шута, и что ихъ маменька ужасъ какъ мила была на Аничковскихъ балахъ“. (*Сочиненія А. С. Пушкина*. Спб. 1887, VII, 360—362, 366).

Въ томъ же письмѣ Пушкинъ писалъ: „Я деньги мало люблю—но уважаю въ нихъ единственный способъ благопристойной независимости“.

Между тѣмъ, жизнь Пушкина нисколько не измѣнилась. Онъ не отказался ни отъ свѣта, ни отъ картъ, ни отъ разгула. Однимъ словомъ, продолжалъ жить выше средствъ; а безденежье было его неизлѣчимою болѣзнію.

Не даромъ онъ нѣкогда въ уста книгопродавца вложилъ слѣдующее:

Нашъ вѣкъ—торгашъ; въ сей вѣкъ желѣзный
Безъ денегъ и свободы нѣтъ.
Что слава? Яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.
Намъ нужно злата, злата, злата;
Купите злато до конца.

11) Въ *Приказъ по инженерному корпусу* мы читаемъ: „По военно-судному дѣлу, произведенному по Высочайшему повелѣнію, при Лейбъ-Гвардіи Конному Полку, состоящій при морской строительной части инженеръ-подполковникъ Данзасъ оказался виновнымъ въ противозаконномъ согласіи, по убѣжденію покойнаго камеръ-юнкера Пушкина, быть со стороны его секундантомъ при дуэли его съ поручикомъ Кавалергардскаго Ея Величества полка барономъ Геккереномъ, и въ не-принятіи всѣхъ зависящихъ мѣръ къ отвращеніи сей дуэли; за что генераль аудиторіатъ, на основаніи законовъ, хотя и находитъ под-

полковника Данзаса, какъ участника совершившагося преступленія, подлежащимъ лишенію чиновъ, но принимая въ уваженіе немаловременную и усердную его службу, равно отличную нравственность, бытность въ походахъ и многократныхъ сраженіяхъ, полученную при штурмѣ крѣпости Браилова рану пулею въ лѣвое плечо на вылетъ, съ раздробленіемъ кости, и заслуженные имъ храбростію знаки отличія, — полагалъ: вмѣнивъ Данзасу въ наказаніе бытность подъ судомъ и арестомъ, выдержать сверхъ того подъ арестомъ въ крѣпости на гауптвахтѣ два мѣсяца, и послѣ того обратитъ попрежнему въ службу“. (*Русская Старина* 1899, Май, стр. 246).

Отецъ графовъ Александра и Сергѣя Григорьевичей Строгоновыхъ, графъ Григорій Александровичъ, по матери своей Елизаветѣ Александровнѣ Загряжской, былъ двоюроднымъ братомъ тещи Пушкина, Наталіи Ивановны Гончаровой.

12) Наканунѣ смерти Пушкина, 28 января 1837 года, А. И. Тургеневъ писалъ К. С. Сербиновичу: „Я спѣшу къ сосѣду моему Пушкину. Вчера раненъ онъ офицеромъ Кавалергардскаго полка Гекерномъ, своимъ beau-frère, смертельно, и вѣроятно сегодня Россія лишится великаго поэта“.

Когда Тургеневъ подошелъ къ умирающему Пушкину, то онъ, по свидѣтельству Жуковскаго, „посмотрѣлъ на него два раза пристально, пожалъ ему руку, хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукою и только промолвилъ: Карамзину!“ (*Сочиненія В. А. Жуковскаго*. Изд. 1878 г., VI, 14).

Извѣстно, что Тургеневъ, въ 1811 году, отвезъ Пушкина въ Царскосельскій Лицей, а въ 1837 году ему же пришлось провожать Пушкина до мѣста вѣчнаго его упокоенія въ Святогорскомъ монастырѣ.

„Тургеневъ“, писалъ князь П. А. Вяземскій, „отправился третьяго дня вечеромъ съ тѣломъ Пушкина и съ жандармскимъ капитаномъ для погребенія въ монастырь Святыя Горы. Не до смѣха было, а нельзя намъ было воздержаться отъ смѣха, глядя на Тургенева и на сборы его дорожные“. (*Русскій Архивъ* 1879. II, 247).
